

ИСТОРИЯ

УДК 94 (367) : 929.5 «10/11»

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГОРОДЕНСКИХ КНЯЗЕЙ

© 2016 г.

С.Н. Абуков

Донецкий национальный университет, Украина

legusha@list.ru

Поступила в редакцию 01.02.2016

Статья посвящена спорному происхождению князей, правивших в летописном Городене. Автор приводит аргументацию, согласно которой традиционное представление о Давыде Игоревиче как родоначальнике городенских князей не опирается на достоверные источники, но остается общепризнанным в научной литературе. Сделав анализ всех данных, автор считает, что наиболее вероятным отцом Всеволодка следует считать князя Мстислава Всеволодовича, внука Игоря Ярославича, умершего в 1116 г. Также высказано мнение о времени и обстоятельствах образования Городенского княжества, занимавшего важное стратегическое положение на западной границе Киевской Руси. Это обусловило политику Владимира Мономаха по втягиванию местной династии в свою орбиту.

Ключевые слова: Городен, Всеволодка, Мстислав Всеволодович, князь, происхождение, владение.

Период феодальной раздробленности Киевской Руси ознаменовался формированием в кон. XI – нач. XII в. на ее территории древнерусских княжеств – крупных и достаточно устойчивых государственных образований. Одни из них играли ведущую роль, а их правители боролись за Киев и влияние в масштабах Руси, другие оставались важными, но провинциальными центрами. Одним из таких образований стало Городенское княжество в Верхнем Понеманье, управляемое своей собственной династией. К сожалению, его история практически не освещена письменными источниками. Даже вопрос генеалогии городенских князей остается до сих пор открытым и одним из самых спорных в ранней генеалогии Рюриковичей. Речь идет о происхождении городенского князя Всеволодка – родоначальника линии местных князей, прослеживающейся без перерыва до 80-х гг. XII в. [1, стб. 631]. Решение этой задачи позволит понять истоки образования этого княжества. В последнее время вновь возобновилась дискуссия о том, к какой линии Рюриковичей принадлежат местные династии.

В научной литературе существует несколько версий происхождения Всеволодка, притом что его отчество в ранних летописях не приводится ни разу. Поздняя Густынская летопись называет его «Давыдовичем» и «Черниговским», то есть внуком киевского и черниговского князя Святослава Ярославича [2, с. 75]. В.Н. Татищев в из-

вестии о женитьбе назвал его Всеволодом Ольговичем, а в статье о смерти «Всеволодом Давыдовичем, внуком Игоря» [3, с. 132, 154]. С того времени точка зрения на Всеволодка как сына Давыда Игоревича укоренилась в генеалогии и разделяется всеми крупнейшими историками [4, с. 106; 5, с. 202; 6, с. 177; 7, с. 331; 8, с. 100; 9, с. 683]. Но не так давно А.В. Назаренко привел аргументацию в пользу третьего варианта, по которому Всеволодка – сын Ярослава Ярополковича Изяславича [10, с. 169–188]. Предпринимаются также попытки связать родоначальника городенских князей с полоцкими Всеславичами [11, с. 107–109].

Первая версия Густынской летописи не выдерживает критики, так как территориально Городен никогда не принадлежал к наследию черниговских и муромских Святославичей в Восточной Руси, а учитывая браки городенских князей, является невозможной с точки зрения степени родства. Само указание на Всеволода Давыдовича Черниговского подрывает доверие к этому сообщению, из которого историки для подтверждения своих построений брали только отчество, отбрасывая место правления. Густынская летопись также содержит очевидные генеалогические ошибки [12, с. 303]. Версия А.В. Назаренко имеет доводы и сторонников. Однако нет оснований предполагать, что кому-то из потомков Ярополка Изяславича удалось закрепиться в части Воыни. Их дядя Святополк

Изяславич сделал все, чтобы лишить своих племянников владений и расчистить территорию для своих собственных сыновей, в чем трудно не согласиться с Л.В. Войтовичем [7, с. 356]. Если кто-то из Ярополковичей однажды и был по соседству с Городеном в Берестье, непонятно даже, в каком статусе, то трудно предположить, что здесь остались княжить его потомки. Сомнительно, чтобы Святополк или его сын Ярослав вздумал доставлять им волости. К тому же и ономастически нет преемственности между городенскими князьями и Изяславичами. Также не видно никаких политических, антропонимических или династических связей городенских князей с Полоцком. Наоборот, все летописные статьи о них говорят об их тесных контактах именно с Ярославичами, а не с Всеславичами. Более того, городенские князья выступают врагами полоцких князей.

Что касается указания В.Н. Татищева о происхождении Всеволодка от Давыда Игоревича, то, как убедительно показал в своей статье А.В. Соловьев, автор «Истории Российской» во второй редакции часто грубо путает городенских князей [13, с. 71–74]. Анализ генеалогических догадок Татищева делает А.Г. Плахонин [12, с. 300–312]. К сожалению, проблема историчности известий Татищева выходит далеко за рамки нашего исследования и затрагивает давний спор о достоверности всего комплекса известий, не подтвержденных летописями. Нельзя не согласиться с тем, что в отдельных случаях они кажутся вполне правдоподобными, в других – входят в противоречие с источниками. Ничего не дают для восстановления генеалогии городенских князей материалы местной сфрагистики [14, с. 138–149; 15, с. 146].

Попробуем еще раз посмотреть летописные известия, касающиеся Давыда Игоревича, его племянника Мстислава и Всеволодка. Это должно помочь нам в поиске истины. Итак, известно, что Давыд Игоревич впервые появляется на страницах летописей в 1081 г. в ходе борьбы безземельных внуков Ярослава Мудрого за волости [1, стб. 196]. Учитывая, что его отец, самый младший из Ярославичей, князь владимир-волинский, а затем смоленский, умер в 1060 г., а родился – по Татищеву – в 1036 г., то рождение Давыда и его брата можно отнести к втор. пол. 50-х гг. XI в. [3, с. 77; 16, стб. 149; 17, с. 74].

Мы видим Давыда на Волыни, где он с большой энергией сражается за Владимир-Волинский. По Любецкому съезду 1097 г. эта волость признавалась за ним, но в истории с ослеплением теребовльского князя Василько Ростиславича он оказался крайним. В результате чего по Витичевскому съезду 1100 г. был

лишен владимирского стола и должен был удовлетвориться Бужском, Острогом, Дубном и Чарторыйском, милостиво выделенными ему киевским князем Святополком, также причастным к ослеплению Василька [1, стб. 249]. Давыд Игоревич «сел» в Бужске, вероятно, самом значительном из городов, но позднее Святополк дал ему Дорогобуж, ставший его главным столом, где он, по очень важному для нас замечанию летописца, и умер [1, стб. 250]. Его смерть произошла 25 мая 1112 г. Погребение состоялось спустя 4 дня, 29 мая, в Киеве в церкви Богородицы Влахернской на Клове [1, стб. 250]. Возможно, выбор церкви не был случайным и имел какое-то значение для Игоревичей. Такая отдаленность между датой смерти и погребения говорит, что князь умер далеко от столицы. Причем летописец ни разу за все время его бурной политической деятельности не говорит о его сыновьях, а только о племяннике Мстиславе, который и был ему собственно как сын. Его удельная столица как выморочное владение оказалась в составе Владимир-Волинского княжества. В дальнейшем Дорогобуж упоминается только в сер. XII в. [1, стб. 410].

Однако насколько при этом можно считать Всеволодка, оказавшегося городенским князем и упомянутого в летописи в 1116 г. в связи с его женитьбой на дочери Мономаха [1, стб. 284], сыном Давыда Игоревича? Историки по-разному пытались объяснить появление Всеволодка в Городене: как новое пожалование (Назаренко) [10, с. 180]; как попытку оторвать Игоревичей от Волыни (Воронин) [15, с. 199]; как результат завоевания земель ятвягов (Войтович) [18]. Смущало исследователей и близкое родство для брака детей Владимира Мономаха и Давыда Игоревича, которые приходились друг другу двоюродными братьями [10, с. 172]. Как отмечалось, сомнения в такой генеалогии городенских князей не покидают исследователей.

В этой связи историки, на наш взгляд, недостаточно внимания уделили энергичному племяннику Давыда Игоревича Мстиславу. Он, как и Всеволодко, также все время упоминается (с 1097 г.) без отчества и исключительно как «сыновец» Давыда и его вассал [1, стб. 284; 16, стб. 272, 277; 19, с. 23]. Любопытно, что среди князей этого времени только по отношению к Мстиславу летописец указывает именно дядю, а не отца для его идентификации. Очевидно, что Мстислав воспринимался именно так.

Имя его отца ни разу не встречается в летописях. Очень вероятно, что отец Мстислава рано умер. Возможно, еще в кон. 70-х гг. XI в., до начала междуусобиц на Руси. Но у нас есть ценнейший источник русского паломничества. Речь идет о «Хождении игумена Даниила» нач.

XII в. Перечисляя в конце своего интересного повествования русских князей своего времени, Даниил упоминает Андрея-Мстислава Всеволодовича, в котором больше некого увидеть, как только племянника Давыда. Такая идентификация была предложена еще в XIX в. [20, с. 155, 161–162; 21, с. 122]. Таким образом, как известно, имя второго сына Игоря восстанавливается как Всеволод. Важный факт в конструировании нашей версии.

Логично предположить, что во время правления Давыда Игоревича на Волыни где-то здесь располагалась и волость его племянника Мстислава. О нем ничего не говорится в истории с ослеплением Василька и в решениях Витичевского съезда. Поэтому он вполне мог сохранить свое владение. То, что у него определенно было свое княжество и оно, скорее, было в Южной Руси, следует из его участия в союзе с другими князьями в походах на половцев в нач. XII в. со своей дружиной. На это обратил внимание Л.В. Войтович [18]. Удельным волынским князем Мстислава считали Л.Е. Махновец [6, с. 498] и О.М. Рапов [5, с. 203], которые, правда, не конкретизировали свои предположения. В то же время версия В.Л. Янина о его смоленском княжении основана на умозаключениях о порядке замещения членами правящей династии столов. Она вступает в неразрешимые противоречия с источниками и не может быть принята [21, с. 122]. С его критикой выступил в свое время Л.В. Алексеев [22, с. 196–197]. Вообще, трудно представить, чтобы Мстиславу Мономашичи подарили свой Смоленск. Сомнительна, по нашему мнению, и атрибуция с Мстиславом Всеволодовичем княжеской печати, найденной в Белгороде. Маловероятно, чтобы этот князь оставлял печати на Киевщине, да еще и титуловался «великим архонтом России» [23, с. 20].

Но был ли Городен изначально владением Мстислава и Всеволодка или их появление там стало результатом владельческих перемещений? Во-первых, важно понять, относился ли регион Верхнего Понеманья в эти годы к Владимир-Волынскому княжеству. К сожалению, летописи ничего не говорят об этом уголке Руси. Некоторые историки сегодня отрицают, что Понеманье могло находиться под властью Давыда Игоревича [24, с. 49]. Думается, что изначально эта территория, как и Берестье в нач. XII в., относилась к владениям волыньских князей, которые могли ею распоряжаться по своему усмотрению. О тесной связи этого региона с Волынской землей писал целый ряд историков [25, с. 165–166; 22, с. 83]. Давыд вполне мог передать беспокойный край своему племяннику. Удачные войны с ятвягами и политическая

конъюнктура позволили Мстиславу, а затем Всеволодку не только усидеть на городенском столе в бурных событиях, но и расширить свои владения, превратившись в крупного правителя на западе Руси. Это обусловило его появление в перечне игумена Даниила вместе с такими первостепенными фигурами князей, как Святополк, Мономах и Святославичи [20, с. 155]. Сомнительно, чтобы Мономах решил одарить безземельного зятя Всеволодка Городенским княжеством [10, с. 180]. Не в качестве ли приданого? Вся политика этого князя на Руси заключалась в отобрании волостей у родственников и в расширении своего собственного домена, а не в наделении бедных родственников. Трудно поверить, что свою дочь, будучи киевским князем, Мономах отдал за безземельного изгоя.

Мстислав умер в 1116 г. (только Воскресенская летопись относит это событие к 1114 г.) [19, с. 23]. В Ипатьевской летописи тут же сообщается о женитьбе Всеволодка: «в се же лѣто преставися Мьстиславъ, внукъ Игоревъ. Томъ же лете Володимеръ отда дщерь свою Огафью за Всеволодка» [1, стб. 284]. Просматривается прямая связь между этими известиями. Летописец объединил в один год два важных события, представляющих собой новость из одной княжеской семьи: смерть и женитьбу. Собственно, если его так и прочесть, как мы считаем, то оно является важнейшим доказательством прямого родства Всеволодка и Мстислава. Логично предположить, что городенский князь Всеволодко (к сожалению, мы не знаем, какой смысл вкладывался в форму княжеских имен «Всеволодко», «Владимирко», «Иванко», «Михалко») был сыном же князя Мстислава Всеволодовича. Такая генеалогия хронологически лучше соотносит время жизни Мстислава и Всеволодка, чем Давыда и Всеволодка. Более того, один из сыновей Всеволодка также носил имя Мстислав [1, стб. 538]. Отметим, что Мстислав и Всеволодко упорно упоминаются без отчества, что характерно именно для Игоревичей. В таком случае пропадает необходимость фантазировать по поводу появления нетрадиционных имен среди городенских князей, если не следовать версии о происхождении Всеволодка от Ярослава Ярополковича [12, с. 321–323; 26, с. 151–156]. Такая схема: Изяслав Киевский – Ярополк – Ярослав – Всеволод – Борис, Глеб, Мстислав – не выдерживает критики. Линии древнерусских князей XI–XIII вв. упорно придерживались своих имен, принимая в именослов новые, но никогда не отказываясь от традиционных.

Прямое родство Мстислава и Всеволодка устраняет целую серию противоречий. В первую очередь это касается брака между Все-

володком и дочерью Мономаха. Тогда он отодвигается на еще одну, именно на допустимую, седьмую, степень родства между мужем и женой. В качестве схожего примера можно привести брак внучки Владимира Мономаха и Ярослава Святополчича (троюродный дядя жены). Тогда теряет смысл и теоретическая дискуссия о возможности брака в nepозволительно близких степенях родства [24, с. 50]. Возможно, что В.Н. Татищев имел сведения, из какой линии, а именно Игоря Ярославича, происходил Всеволодко, но не смог определить поколение.

Однако закономерен вопрос: что заставило могущественного правителя Руси, каким был Мономах, выдать свою дочь за такого князя, как Всеволодко? Однако не стоит недооценивать значение Городенского княжества. Расположенное на западе Руси, оно занимало важное стратегическое положение на стыке Волынского, Туровского и Полоцкого княжеств, Польши и ятвягов. Этим родством Мономашичи включили Городен в орбиту своей политики. Возможно, это было сделано с целью усиления давления на волынского князя Ярослава Святополчича в рамках разыгранной вскоре комбинации по отстранению его от наследования киевского стола. Всеволодко вполне оправдал возложенную на него роль. И хотя мы не видим его среди участников конфликта с Ярославом на Волыни, он участвует в качестве вассала шурина Мстислава в его походах на Полоцкое княжество и на Литву [1, стб. 292, 294].

Что касается князя Игоря Давыдовича, упомянутого в 1150 г., которого В.Н. Татищев отнес к сыновьям Давыда Игоревича («Приходил в Киев к великому князю Юрию князь Игорь Давыдович, внук Игорев»), то это выдумка в чистом виде [3, с. 15]. Это еще один мнимый сын дорогобужского князя. Игоря Давыдовича следует отнести к внукам Ярослава Святославича из Муромской линии, как и следует из Никоновской летописи («Того же лета прииде изъ Рязани въ Киевъ къ великому князю Юрию Владимеричю князь Игорь Давыдовичъ») [15, с. 182]. Иначе придется предположить, что в одно время к Долгорукому «притекли» два Игоря Давыдовича из противоположных концов Руси. На эту татищевскую ошибку указал А.Г. Плахонин [12, с. 314].

Что касается якобы происхождения жалованных князей Любомирских по одной из версий от Давыда Игоревича, то никакого документального подтверждения этому нет [7, с. 352]. Данные говорят о Любомирских только как о старопольском роде герба Шренява [27, с. 56–57; 28, с. 200–222]. Возможно, генетическая экспертиза живущих сегодня потомков этой се-

мьи поставит окончательную точку в их гипотетической принадлежности к Рюриковичам.

Итак, по нашей реконструкции, владимирский князь Давыд Игоревич выделил в кон. XI в. своему племяннику Мстиславу Всеволодовичу волость на севере своих владений, которая включала Городен. Помещение Мстислава на приграничье имело задачей прикрыть волынское порубежье от нападений ятвягов и колонизовать край. Лишение владимирского стола Давыда, умершего бездетным, не отразилось на владельческом положении Мстислава, попавшего в вассалы к новому волынскому князю Ярославу Святополчичу. Очень вероятно, что он принимал активное участие в войнах Ярослава с ятвягами и расширил границы своего княжества. Мстислав активно участвует в антиполовецких походах, что позволило ему укрепить свое положение и сохранить свой удел. Судя по его упоминанию в «Хождении» среди старших и наиболее влиятельных русских князей, он был достаточно видной фигурой своего времени. Это противоречит представлению О.М. Рапова «о мелких провинциальных князьях», как он характеризует поколение Мстислава [5, с. 203], а Городенское княжество вовсе не такая уж и «маленькая волость на нижний Горини», как писал М.С. Грушевский [8, с. 100]. Однако и сегодня на картах Древней Руси забывают показать Городенское княжество.

После смерти Мстислава в 1116 г. его молодой сын Всеволодко нуждался в покровительстве сильной фигуры, каковой и стал затем киевский князь Мономах, преследовавший свои цели. Возможно, тогда планировалось отстранение Ярослава Святополчича от прав на киевский стол. Контроль за Понеманьем был важен для Мономашичей в качестве ослабления «геостратегического» положения волынского князя. Это был важный союзник в регионе Юго-Западной Руси на стыке Волыни, Туровщины, Полоцкого княжества, Польши и ятвягов. Заключение брака с дочерью могущественного киевского князя, Всеволодко со своей стороны сохранил свои владения и положение в княжеской семье Рюриковичей. В бурные годы конфликта на Волыни в 1117–1123 гг. о городенском князе не слышно, но это не должно вводить в заблуждение. Как зять Мономаха, он должен был поддерживать его семейный клан. Всеволодко – один из ключевых участников похода шурина киевского князя Мстислава на полоцких князей 1127 г. [1, стб. 292]. Во главе с тем же Мстиславом Всеволодко в 1131/2 г. принимает участие в походе на Литву [1, стб. 294]. Его сыновья Борис, Глеб и Мстислав не раз упоминаются в политической борьбе на Руси до кон. XII в. В это

Генеалогическая схема городенских князей

время Городен переживает экономический подъем, отмеченный археологами [15, с. 202]. Местная династия измелчавших городенских князей, вероятно, продолжала править здесь и в дальнейшем [18, с. 227–229]. Таким образом, Всеволодко не «внук Игорев», а правнук. Находки актов печатей в Верхнем Понеманье с именем Андрей поставили бы окончательную точку в этом споре.

Список литературы

1. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. II. М.: ЯРК, 2001. 648 с.
2. Густынская летопись // ПСРЛ. Т. XL. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 202 с.
3. Татищев В.Н. История Российская. Т. II. М.–Л.: Наука, 1963. 352 с.
4. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. II–III. М., 1991. 832 с.
5. Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М.: МГУ, 1977. 264 с.
6. Махновец Л.С. Літопис руський. К., 1989. 590 с.
7. Войтович Л.В. Княжа доба на Русі. Портрети еліти. Біла Церква, 2006. 784 с.
8. Грушевский М.С. История Украины-Руси. Т. 2. К.: Наукова думка, 1992. 640 с.
9. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. М.: Мысль, 1988. 797 с.
10. Назаренко А.В. Городенское княжество и городенские князья в XII в. // Древнейшие государства Восточной Европы: Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева, 1998. М., 2000. С. 169–188.
11. Гостев А.П. О возникновении удельного Городенского княжества и князьях городенских // Наш радавод. Ч. 1. Гродна, 1993. С. 107–109, 164–167.
12. Плахонин А.Г. «История Российская» В.Н. Татищева и исследование генеалогии Рюриковичей // Сб. ст.: Средневековая Русь / Редкол.: А.А. Горский (отв. ред.) [и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т российской истории. М.: Индрик, 2004. Вып. 4. С. 321–330.
13. Соловьев А.В. Городенские князья и Деремела // *Russia Mediaevalis*. Bd. 7, 1. 1992.
14. Плахонін А. Давньоруська провінційна династія в світлі сфрагістичних джерел (Ігор Ярославич та його нащадки) // Спеціальні історичні дисципліни. К.: Інститут історії України, 2001. № 6. С. 136–151.
15. Воронин Н.Н. Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.). М.: Издательство АН СССР, 1954. 239 с.
16. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М.: ЯРК, 2001. 496 с.
17. Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. IX. М.: Наука, 1965. 256 с.
18. Войтович Л.В. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження [Електронний ресурс]. Львів, 2000 р. Режим доступа: <http://litopys.org.ua/dynasty/dyn26.htm>.
19. Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. VII. М.: ЯРК, 2001. 360 с.
20. Норов А.С. Путешествие игумена Даниила по Святой земле, в начале XII в. СПб.: Императорская Академия наук, 1864. 444 с.
21. Янин В.Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XVI. М., 1960. С. 112–131.
22. Алексеев Л.В. Смоленская земля. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.: Наука, 1980. 260 с.
23. Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1: Печати X – начала XIII вв. М.: Наука, 1970. 326 с.
24. Кибинь А.С. От Ятвязи до Литвы: Русское пограничье с ятвягами и Литвой в X–XIII веках. М.: Квадрига, 2014. 272 с.
25. Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.–Л.: АН СССР, 1950. 333 с.
26. Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. 528 с.
27. Boniecki A. Reiski, herbarz polski. Cz. 1, Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich, т. 15, Gebethner i Wolf, Warszawa 1912.
28. Semkowicz W. Družyna i Śreniawa. Studium heraldyczne. «Kwartalnik Historyczny», 1900. P. 14.

NOTES ON THE ORIGIN OF THE GORODEN PRINCES

S.N. Abukov

The article examines the problem of the origin of the princes who ruled in the city of Goroden described in the chronicles. The author cites some arguments according to which the traditional concept of Davyd Igorevich as the ancestor of the Goroden princes is not based on reliable sources, but is widely recognized in the scholarly literature. Based on the analysis of the available data, the author argues that the father of Vsevolodko was Mstislav, a grandson of Igor Yaroslavich, who died in 1116. The article also determines the time and circumstances of the formation of the Goroden principality, which occupied an important strategic position on the western border of the Kievan Rus'. The significance of Goroden was one of the factors that prompted Vladimir Monomakh's efforts to pull the local dynasty into his orbit.

Keywords: Goroden, Vsevolodko, Mstislav Vsevolodovich, prince, origin, possession.

References

1. Ipat'evskaya letopis' // Polnoe sobranie russkikh letopisej (PSRL). T. II. M.: YaRK, 2001. 648 s.
2. Gustynskaya letopis' // PSRL. T. XL. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2003. 202 s.
3. Tatischev V.N. Istoriya Rossijskaya. T. II. M.–L.: Nauka, 1963. 352 s.
4. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo. T. II–III. M., 1991. 832 s.
5. Rapov O.M. Knyazheskie vladeniya na Rusi v X – pervoj polovine XIII v. M.: MGU, 1977. 264 s.
6. Mahnovec' L.C. Litopis rus'kij. K., 1989. 590 s.
7. Vojtovich L.V. Knyazha doba na Rusi. Portreti eliti. Bila Cerkva, 2006. 784 s.
8. Grushevskij M.S. Istoriya Ukraïni-Rusi. T. 2. K.: Naukova dumka, 1992. 640 s.
9. Solov'ev S.M. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. Kn. 1. M.: Mysl', 1988. 797 c.
10. Nazarenko A.V. Gorodenskoe knyazhestvo i gorodenskie knyaz'ya v XII v. // Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy: Pamyati chl.-korr. RAN A.P. Novosel'ceva, 1998. M., 2000. S. 169–188.
11. Gostev A.P. O vznikovenii udel'nogo Gorodenskogo knyazhestva i knyaz'yah gorodenskih // Nash radavod. Ch. 1. Grodna, 1993. S. 107–109, 164–167.
12. Plahonin A.G. «Istoriya Rossijskaya» V.N. Tatischeva i issledovanie genealogii Ryurikovichej // Sb. st.: Srednevekovaya Rus' / Redkol.: A.A. Gorskij (otv. red.) [i dr.]; Ros. akad. nauk, In-t rossijskoj istorii. M.: Indrik, 2004. Vyp. 4. S. 321–330.
13. Solov'ev A.V. Gorodenskie knyaz'ya i Deremela // Russia Mediaevalis. Bd. 7, 1. 1992.
14. Plahonin A. Davn'orus'ka provincijna dinastija v svitli sfragistichnih dzherel (Igor Yaroslavich ta jogo nashchadki) // Cpecial'ni istorichni disciplini. K.: Institut istorii Ukraïni, 2001. № 6. S. 136–151.
15. Voronin N.N. Drevnee Grodno (po materialam arheologicheskikh raskopok 1932–1949 gg.). M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1954. 239 s.
16. Lavrent'evskaya letopis' // PSRL. T. I. M.: YaRK, 2001. 496 s.
17. Nikonovskaya letopis' // PSRL. T. IX. M.: Nauka, 1965. 256 s.
18. Vojtovich L.V. Knyazivs'ki dinastii Skhidnoi Evropi (kinec' IX – pochatok XVI st.): sklad, suspil'na i politichna rol'. Istoriko-genealogichne doslidzhennya [Ehlektronnyj resurs]. L'viv, 2000 r. Rezhim dostupa: <http://litopys.org.ua/dynasty/dyn26.htm>.
19. Voskresenskaya letopis' // PSRL. T. VII. M.: YaRK, 2001. 360 s.
20. Norov A.S. Puteshestvie igumena Daniila po Svyatoj zemle, v nachale XII v. SPb.: Imperatorskaya Akademiya nauk, 1864. 444 s.
21. Yanin V.L. Mezhduknyazheskie otnosheniya v ehpuhu Monomaha i «Hozhdenie igumena Daniila» // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. T. XVI. M., 1960. S. 112–131.
22. Alekseev L.V. Smolenskaya zemlya. Ocherki istorii Smolenshchiny i Vostochnoj Belorussii. M.: Nauka, 1980. 260 s.
23. Yanin V.L. Aktovye pečhati Drevnej Rusi X–XV vv. T. 1: Pečhati X – nachala XIII vv. M.: Nauka, 1970. 326 s.
24. Kibin' A.S. Ot Yatvyazi do Litvy: Russkoe pogranich'e s yatvyagami i Litvoj v X–XIII vekah. M.: Kvadriga, 2014. 272 s.
25. Pashuto V.T. Ocherki po istorii Galicko-Volynskoj Rusi. M.–L.: AN SSSR, 1950. 333 s.
26. Nazarenko A.V. Drevnyaya Rus' i slavyane (istoriko-filologicheskie issledovaniya). M., 2009. 528 s.
27. Boniecki A. Reiski, herbarz polski. Sz. 1, Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich, t. 15, Gebethner i Wolf, Warszawa 1912.
28. Semkowicz W. Družyna i Śreniawa. Studium heraldyczne. «Kwartalnik Historyczny», 1900. R. 14.